

Содержание

Пролог	6
Книга первая	17
Глава 1	17
Глава 2	27
Глава 3	32
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	65
Глава 9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

Многие хвалят человека за милосердие; но правдивого человека кто находит?

Праведник ходит в своей непорочности: блаженны дети его после него!

Кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего»?

Книга Притчей Соломоновых, 20: 6, 7, 9

Я Дина, я вижу сани и на них человека, сани кувыркаясь летят по крутому склону. Сперва мне кажется, что это я сама привязана к саням. Мне больно, я никогда не испытывала такой боли.

Сквозь прозрачную действительность, но за пределами времени и пространства я вижу лицо привязанного к саням. Сейчас оно разобьется о заледенелый камень.

Лошадь вырвала оглобли, и сани не увлекли ее за собой. Все случилось мгновенно.

Кажется, сейчас поздняя осень. Поздняя? В каком смысле?

Мне не хватает лошади.

В холодном утреннем свете на краю крутого обрыва стояла женщина. Солнца не было. Вокруг нее, как сторожа, высились темные горы. Обрыв был так крут, что взгляд ее не достигал дна.

По другую сторону широкого пролива горы – немые свидетели – были еще круче.

Женщина следила за падением саней. Вот они задержались на краю уступа, остановленные большой березой.

От тяжелого удара береза дрогнула и закачалась. Вниз уходила пропасть. На дне пропасти грохотал водопад.

Женщина смотрела на оставленный санями след. Развороченные камни, взрыхленный снег, вырванные кустики вереска, поломанные кусты. Словно по склону прошелся гигантский рубанок, состругав все неровности.

На женщине были кожаные штаны и длинная куртка. Если б не волосы, издали ее можно было бы принять за мужчину. Для женщины она была слишком высокой.

Правый рукав куртки был разорван. На обрывках ткани виднелась кровь.

В левой руке женщина держала нож с коротким лезвием, такие ножи лопарки обычно носят на поясе.

Заржала лошадь. Женщина повернула голову. Ржание как будто разбудило ее. Она убрала нож в карман.

Поколебавшись, она решительно перелезла через валуны, ограждавшие дорогу. Вниз, к саням. Теперь сани раскачивались не так сильно. Словно решили пощадить человека с разбитым лицом.

Женщина быстро спускалась по крутому склону. Из-под ног у нее летели камни. Это был настоящий обвал, камни катились по склону мимо саней. Взгляд женщины был устремлен вниз. Казалось, она мысленно продолжает путь камней, хотя они уже скрылись из поля зрения. Видит, как они падают в омут под грохочущим водопадом.

Новый град камней пронесся мимо, и женщина на мгновение застыла на месте. Но только на мгновение. Тут же она заспешила дальше. Наконец рука ее коснулась овчинной полсти, в которую был завернут человек, и откинула ее в сторону.

Открылось лицо, когда-то, должно быть, красивое. Сейчас же один глаз был вдавлен в череп. Голову человека постепенно заливала кровь. Волосы его стали красными. Белая овчина пропиталась кровью.

Женщина протянула руку – узкая ладонь, длинные пальцы с продолговатыми розовыми ногтями. Подняла у разбившегося веко. Сперва одно, потом другое. Приложила руку к его груди – бьется ли сердце? Потрогала тут, там – не нашла.

Лицо женщины было под стать заснеженной земле. Безжизненное и неподвижное. Лишь глаза смотрели из-под приспущенных век. Она испачкала руки в крови и вытерла их о грудь покойника. Прикрыла ему лицо краем овчины.

Потом полезла вдоль саней к тому месту, где крепятся оглобли. Там она вытащила из пазов остатки тяжей и сунула их в карман куртки, туда, где лежал нож. Достала два потертых кожаных ремня и приладила вместо тяжей.

Один раз она выпрямилась и посмотрела наверх. Прислушалась. Там, на дороге, ржала лошадь. Женщина помедлила, словно не могла решить, все ли она сделала как нужно. Потом поползла вдоль саней обратно. Разбившийся все время лежал между ней и бездной.

Могучая береза потрескивала от мороза и от тяжести саней, к которой прибавилась еще и тяжесть женщины. Вот женщина нащупала среди камней опору для ног и всем телом навалилась на сани. Ловкие, точные движения. Казалось, она проделывала это уже не раз.

Сани сдвинулись с места, и в тот же миг овчина сползла с лица человека. Он открыл уцелевший глаз и посмотрел на женщину. Молча. Беспомощно и растерянно.

Она вздрогнула. По ее лицу скользнула какая-то похотливая нежность.

А сани уже летели дальше, вниз. Конец. В горах еще долго звучал грохот.

Лицо женщины опустело. Природа вернулась в прежнее состояние. Все было хорошо.

Я Дина, я чувствую, как и меня затягивает поглотивший его омут. Он пересек границу. Я не видела последнего мгновения, которое позволило бы мне приподнять пугающую всех завесу. Еще не время.

Кто я? Где время, место и пространство? Неужели я навсегда осуждена на это?

Она выпрямилась и стала решительно карабкаться вверх, на дорогу. Подъем оказался тяжелее, чем спуск. Двести метров крутого заледенелого склона.

В том месте, откуда была видна бурая осенняя река, женщина обернулась и глянула вниз. Река делала поворот. Вода пенилась. И всё.

Женщина полезла дальше. Быстро. Дыхание со свистом вырывалось у нее из груди. Раненая рука причиняла ей боль. Дважды она чуть не потеряла равновесие, едва не последовав за саними.

Руки ее цеплялись за вереск, ветки, камни. Она крепко держалась одной рукой, пока другая искала, за что можно ухватиться. Ловкие, точные движения.

Ухватившись за камень на обочине, женщина подняла голову. Встретилась взглядом с большими блестящими глазами лошади. Лошадь больше не ржала. Она стояла неподвижно и смотрела на женщину.

Обе тяжело дышали. Неожиданно, обнажив зубы, лошадь раздраженно ухватила кустик сухой травы. Женщина сморщилась от боли и сделала последнее усилие, чтобы выбраться на дорогу.

Лошадь склонила к ней голову. Оглобли торчали в разные стороны. Между ними была пустота.

Женщина крепко, почти грубо ухватила лошадь за гриву. Подтянулась и встала вровень с головой лошади.

Женщине было восемнадцать. Глаза у нее были старые, как камень.

Оглобли скрежетали в тишине о каменистую почву.
Лошадь втоптала замерзшую траву обратно в землю.

Женщина сняла куртку, закатала рукав вязаной кофты, потом – блузки. Рана была как будто нанесена ножом. Может, она получила ее, когда боролась с человеком, привязанным к саням?

Она наклонилась и провела рукой по замерзшей дороге, посыпанной гравием. Набрала пригоршню песка, льда, стеблей и мусора. С силой втерла все это в рану. Лицо исказилось от боли. Рот приоткрылся, из горла вырвался глухой стон.

Снова наклонилась и снова втерла. И опять у нее вырвался глухой стон. Она как будто совершала некий обряд. Рука шарилась по дороге. Собираала песок и гравий. Втирала в рану. Раз за разом. Потом женщина стянула с себя шерстяную кофту и блузку и стала возить ими по дороге. Разодрала рукава. И опять возила одеждой по дороге.

На руках выступила кровь. Женщина не вытирала ее. Она стояла в тонкой полотняной рубаше на фоне осеннего неба и, казалось, не ощущала мороза. Не торопясь оделась. Через дырку внимательно осмотрела рану. Расправила рванный рукав. Сморщилась от боли, пытаясь разогнуть руку.

Ее шляпа валялась в придорожной канаве. Коричневая шляпа с узкими полями и зеленым пером. Она медленно взглянула на шляпу и по выщербленной, залитой серебристым светом дороге пошла на север.

За ней трусилась лошадь, таща оглобли. Лошадь быстро догнала женщину. Опустила морду ей на плечо, прихватила губами волосы.

Тогда женщина остановилась. Твердой рукой она заставила лошадь, как верблюда, согнуть передние ноги. И забралась на ее широкую темную спину.

Застучали копыта. Всхлипывая, тащились по гравию оглобли. Лошадь мерно дышала. Задул ветер. Но он ничего не знал и не видел.

Был полдень. Лошадь и женщина спустились по крутой дороге с горы к большой усадьбе. Широкая аллея, обсаженная рябинами, уходила от белого жилого дома вниз, на берег. Там, по обе стороны от замощенного камнем причала, стояло два красных морских пакгауза.

Листьев на рябине уже не осталось, только пылали кроваво-красные ягоды. Желтели поля с вкраплениями ледяных сугробов. Небо неожиданно очистилось. Но солнца по-прежнему не было.

Фома, работник, вышел из конюшни, лишь только женщина с лошадыю появилась на дворе усадьбы. Увидев пустые оглобли и растрепанную женщину в окровавленной одежде, он застыл как столп.

Не глядя на него, она медленно сползла с лошади. Ступенька за ступенькой преодолела широкое крыльцо. Открыла одну из половинок двустворчатой двери. Остановилась. Из дому на нее упал свет. Она быстро обернулась, словно испугавшись собственной тени.

Фома бросился к ней. Она была залита теплым, желтым светом, падавшим из дому. Гора у них за спиной отбрасывала холодные синие тени.

Лица у женщины больше не было.

В доме начался переполох. Сбежались все, мужчины и женщины. Слуги.

Матушка Карен с палочкой, прихрамывая, вышла из гостиной. На шее у нее на вышитой тесемке болталось пенсне. Блестящее стекло не теряло надежду сделать мир веселее.

Матушка Карен с трудом проковыляла по прихожей. Неужели она что-нибудь знает?

Домочадцы столпились вокруг молодой женщины. Служанка прикоснулась к раненой руке, хотела помочь снять разорванную куртку. Женщина оттолкнула ее.

И вдруг, словно прорвало плотину, все заговорили разом, перебивая друг друга. Вопросы, как град, обрушились на женщину, у которой не было лица.

Она молчала. И ничего не видела. У нее не было глаз. Но она так крепко схватила Фому за руку, что он вскрикнул. Потом подошла к Андерсу, светловолосому, с тяжелым подбородком, одному из приемных сыновей хозяина усадьбы. Его она тоже схватила за руку. И потащила их за собой. Она так и не произнесла ни слова.

Оседлали двух лошадей, что стояли в конюшне. На третьей седла не было. Она была покрыта испариной после тяжелого спуска с горы. Ее освободили от оглоблей, насухо вытерли и дали воды.

Голова лошади опустилась в ведро. Люди ждали. Лошадь пила большими глотками. Время от времени она откидывала челку и взгляд ее скользил по лицам людей.

Женщина не переделась и не позволила перевязать себе рану. Вскочила на лошадь. Фома протянул ей куртку из сермяги. Она надела ее. Но так и не произнесла ни слова.

Они приехали на то место, где сани сорвались с дороги. Следы не оставляли никаких сомнений. Искореженный склон, сломанные березки, вырванный из земли вереск. Все знали, что там, внизу. Обрыв. Водопад. Яма. Омут. Сани.

Созвали людей и долго искали в пенной воде. Но не нашли ничего, кроме остатков разбитых саней с истертыми ремнями, которыми крепились оглобли.

Женщина молчала.

Очи Господа охраняют знание, а слова законопреступника Он ниспровергает.

Книга Притчей Соломоновых, 22:12

Дина должна была везти своего мужа, Иакова Грэнэльва, через горы к доктору. Иаков сломал ногу, и у него началась гангрена. Стоял ноябрь. Одна только Дина и могла справиться с молодым необъезженным конем, самым сильным из всех. Ехать предстояло быстро. По заледенелой дороге.

От ноги Иакова уже шло зловоние. Дух этот давно заполнил весь дом. Кухарка чувствовала его даже в столовой. В усадьбу проникло несчастье. Страх.

Пока Иакова не увезли, никто в Рейнснесе не говорил о зловонии. Молчали о нем и после, когда Вороной вернулся с пустыми оглоблями.

Но вообще-то люди говорили всякое. Одни – с ужасом, другие – с недоверием. На соседних усадьбах. В гостиных Страндстедета и на всем побережье. У пастора. Не так чтобы совсем открыто, но и не таясь.

О Дине, молодой хозяйке Рейнснеса, единственной дочери ленсмана¹ Холма, которая, как мальчишка, была помешана на лошадях. Даже после замужества. Печально сложилась ее судьба.

Без конца повторяли одно и то же. Дина гнала Вороного так, что из-под полозьев летели искры. Неслась как ведьма. И все же Иаков Грэнэльв так и не попал к доктору. Вот его и нет. Доброжелательного, щедрого Иакова, который никому ни в чем не отказывал. Сына матушки Карен, приехавшего в Рейнснес совсем молодым.

Смерть! Люди не могли смириться с ужасной гибелью Иакова. Если в море гибнет судно, если на берег не возвращаются люди – тут все ясно. Но к судьбе Иакова определенно приложил руку сам дьявол. Сперва гангрена. Потом гибель в водопаде!

¹ Ленсман — государственный чиновник, наделенный в рамках своей округи полномочиями по поддержанию правопорядка, сбору налогов и т. п. — *Здесь и далее примет, пер.*

Дина потеряла дар речи, матушка Карен плакала. Сын Иакова от первого брака бродил, осиротевший, по улицам Копенгагена, а Вороной теперь пугался даже вида саней.

Представители власти приехали в усадьбу, чтобы разузнать, что предшествовало этому несчастному случаю. Все следовало назвать своими именами, тайное должно было стать явным.

Ленсман, отец Дины, привез с собой двух свидетелей и вел протокол. С самого начала он заявил, что приехал в Рейнснес не как отец, а как представитель власти.

Матушка Карен не увидела в этом никакой разницы. Но промолчала.

Никто не мог уговорить Дину спуститься со второго этажа. Слишком крепкая и сильная, она могла оказать сопротивление. Поэтому на нее не пытались воздействовать силой. Было решено, что ленсман сам поднимется в залу на втором этаже.

Туда принесли еще несколько стульев. Из полога над кроватью основательно вытрясли пыль. Полог был сшит к свадьбе Дины и Иакова из тяжелой золотистой ткани с узором из красных цветов на выющихся стеблях. Ткань была куплена в Гамбурге.

Олине и матушка Карен все дни ухаживали за молодой хозяйкой, она не должна была выглядеть всеми забытой. Олине поила ее сладким цветочным чаем с густыми сливками. Более верного средства от всех недугов, начиная от цинги и кончая бесплодием, она не знала. Матушка Карен вносила свою лепту добрым словом, щеткой для волос и ненавязчивой заботой.

Робкие служанки делали только то, о чем их просили.

Слова застряли в горле. Дина открывала рот, шевелила губами. Но голос если и звучал, то в другой действительности. Представители власти испробовали все возможные методы.

Сперва ленсман обращался к Дине низким официальным голосом, глядя в ее светло-серые глаза. С таким же успехом он мог смотреть и в стакан с водой.

Свидетели на свой лад помогали ему. Они вставали и садились. В их голосах звучали и сочувствие, и сознание собственной власти.

Наконец Дина уронила на руки голову с черными непослушными волосами. Раздались звуки, похожие на собачий скулеж.

Представители власти устыдились и удалились в гостиную, дабы принять какое-нибудь решение. Им нужно было обсудить все, что они увидели в Рейнснесе, в том числе и поведение молодой женщины.

Они пришли к выводу, что случившееся надо считать большой бедой и для прихода, и для всей округи. Что Дина Грёнэльв вне себя от горя. Что она невменяема и от потрясения потеряла дар речи.

Они сочли, что она ехала быстро, как только могла, чтобы поскорее доставить мужа к доктору. Может быть, скорость на повороте у моста оказалась слишком большой, а может, норовистая лошадь понесла и ремни, которыми крепились оглобли, не выдержали. А может, и то и другое.

И все это было точно занесено в протокол.

Труп Иакова так и не нашли. Сперва не нашли. Люди считали, что его унесло в море. Правда, никто не понимал, как это могло случиться. Ведь от водопада до моря река целую милю течет по неровному мелкому руслу. Любой камень задержал бы покойника, который сам не прилагал усилий, чтобы добраться до моря.

Несмотря на отчаяние матушки Карен, Иакова перестали даже искать.

А через месяц в усадьбу пришел старик, живущий на попечении прихода, и сказал, что видел труп в Малом омуте. Это была небольшая заводь чуть ниже Большого омута, куда обрушивался водопад. Иаков лежит, зацепившись за камень. Неподвижный, как бревно. Его раздуло, и он сильно изуродован – так сказал старик.

И старик не ошибся.